

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 147–151. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 147–151. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09"19"

EDN TLPTAB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-147-151>

## ВОСТОК КАК «ЧУЖОЙ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. ГЮГО

**Шапошникова Василиса Ивановна**, соискатель, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, [vasilisa-16@yandex.ru](mailto:vasilisa-16@yandex.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена осмыслению образа Востока как «чужого» в поэтическом творчестве В. Гюго на примере сборника «Восточные мотивы» (1829). Вопрос о «чуждости» Востока исследуется в контексте влияния ориентализма и политических событий, предшествующих написанию сборника. Прослеживается, как Восток становится не только «другим» по отношению к читателю, но и «чужим». Анализируются образы лирических героев, одни из которых совершают выбор между Западом и Востоком, а другие представляются угнетателями. При анализе произведения используется концепция диалога культур М.М. Бахтина и критика европейского ориентализма Э. Сайда. Рассматривается образ восточной женщины, на примере которого автором показаны обычаи Востока. Делается вывод о том, что «чуждость» Востока в произведении обусловлена событиями Греческой войны за независимость от Османской империи (1821–1829), несовпадением культурных ценностей Запада и Востока и стереотипированым под влиянием ориентализма образом Востока.

**Ключевые слова:** французская литература XIX в., Виктор Гюго, романтизм, ориентализм, «чужой» в литературе, «другой» в литературе, диалог культур.

**Для цитирования:** Шапошникова В.И. Восток как «чужой» в поэтическом творчестве В. Гюго // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 147–151. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-147-151>

Research Article

## THE ORIENT AS “THE OTHER” IN VICTOR HUGO’S POETRY

**Vasilisa I. Shaposhnikova**, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, [vasilisa-16@yandex.ru](mailto:vasilisa-16@yandex.ru)

**Abstract.** This article deals with the interpretation of the Orient as The Other in Victor Hugo’s poetry, namely in his collection of poetry “Les Orientales”. The issue of alienation of the East is dissected through the lenses of orientalism’s influence on contemporary culture, as well as contemporary political climate. It shows how the Orient becomes not only “The Other” from the reader’s point of view, but also “Alien”. The article analyses figures of lyrical heroes, with some of them having to choose between the East and the West, and others being shown as oppressors. To support the analysis, the article relies on Mikhail Bakhtin’s theory of cultural dialogue and E. Said’s criticism of European orientalism. The article analyses the image of Oriental woman, which is used to show Oriental customs. The article concludes that the Orient’s otherness in Hugo’s poetry collection is due to the Greek War of Independence from the Ottoman Empire, cultural differences between the East and the West, and stereotyped, under the influence of orientalism, image of the Orient.

**Keywords:** 19<sup>th</sup> century French Literature, Victor Hugo’s poetry, Romanticism, Orientalism, “other one” in literature, “stranger” in literature, Dialogue of Cultures.

**For citation:** Shaposhnikova V.I. The Orient as “The Other” in Victor Hugo’s poetry. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 147–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-147-151>

В поэтическом творчестве Виктора Гюго тема Востока сосредоточена преимущественно в сборнике «Восточные мотивы» [Гюго 1: 365–426]. Исследуемый текст относится к раннему этапу творчества писателя; работу над отдельными стихотворениями он начал в 1825 г., а целиком сборник был опубликован через четыре года. Интерес молодого Гюго к Востоку был обусловлен не только модой на экзотику и восточную тематику, распространенной в то время в Европе, но и политическими факторами – Греческой войной за независимость от Османской империи (1821–1829). В «Восточных мотивах» часто упоминается Стамбул и различные турецкие крепости и порты. Так, в сборнике Гюго под Востоком понимается прежде всего Османская империя.

Греческая война за независимость от Османской империи стала объектом пристального внимания демократически настроенных европейцев, в том числе французов. Греция виделась им как часть западного и христианского мира, угнетаемая турками-мусульманами. Восстание греков отражало их экзистенциальный выбор, уход из восточного мира в западный. Религиозный конфликт между воюющими сторонами определял для европейцев восприятие греческого восстания как освободительной и правильной, праведной войны. Восток, представляемый в данном тексте Османской империей, заведомо был враждебен и чужд французскому читателю как нехристианский и агрессивный по отношению к западному миру.

При работе над «Восточными мотивами» Гюго был ограничен сравнительно небольшим количеством исследований восточной культуры и литературы, однако именно в тот период стали появляться первые прямые переводы восточной литературы на французский язык без языков-посредников. Одним из известных французских востоковедов был Эрнест Фуине (1799–1845), который исследовал восточные языки, интересовался арабской поэзией и переводил на французский язык образцы арабской и персидской литературы. По свидетельству Антуана Лапорта, именно через его переводы Гюго познакомился с арабской и персидской литературой, отсылки к которым содержатся в «Восточных мотивах» [Laporte: 567]. Безусловно, французскому писателю был известен средневековый персидский поэт Саади, поскольку перед стихотворениями «Пленница» и «Ноябрь» читатель находит эпиграфы из его поэмы «Гулистан» [Саади: 8–397]. При этом Гюго создает свой собственный образ Востока, основанный не на текстах восточной литературы, а скорее на политических взглядах демократической части французского общества.

Для французского читателя, который знакомился со сборником Гюго, Восток был заведомо «другим». Европейский мир ведет диалог с «другим» –

с восточным миром. На страницах сборника диалог происходит через лирических героев; чаще всего лирический герой «Восточных мотивов» – молодой мужчина, сражающийся за освобождение Греции. М.М. Бахтин, разработавший концепцию диалога культур, полагал, что человеческое сознание диалогично и формируется во взаимодействии с другими. Он считал, что познать любую культуру можно только через диалог с «другим», поскольку такой диалог ведет не только к пониманию чужой культуры, но и к более глубокому пониманию своей: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин: 354]. Так, по мысли М.М. Бахтина, любая культура представляет собой открытое пространство, в котором происходит межкультурная коммуникация. Именно такой процесс и происходит в «Восточных мотивах»: лирические герои сборника осознают, что восточная культура для них является чужой, и стремятся обрести независимость от нее. Греческие борцы за независимость призывают объединиться с христианским миром; восточные обычай и мусульманские ценности представлены жестокими и чуждыми лирическим героям Гюго, которые в основном являются христианами. При этом среди ярких лирических героев сборника встречаются женщины-турчанки, которые тоже страдают от угнетения. Их образы вызывают сочувствие у европейского читателя. Так, через инаковость и чуждость восточных законов подчеркиваются близкие автору и французским читателям демократические и христианские ценности.

Под востоком у Гюго понимается прежде всего Османская империя, однако восточный мир в его произведении кажется единым, а не разделенным на отдельные государства. Ввиду моды на ориентализм и недостатка востоковедческих знаний, современники Гюго воспринимали каждую восточную культуру не отдельно, а совокупно, в результате чего формировался выдуманный образ экзотического Востока. В дальнейшем этот подход был раскритикован американским ученым арабского происхождения Эдвардом Саидом в монографии «Ориентализм». Согласно мысли Саида, Восток в европейском сознании предстает ярким образом «другого» и в связи с этим обрастают неверными представлениями и стереотипами. По мысли Саида, европейский взгляд на Восток является взглядом колонизатора, в связи с чем колонизированные народы представляются европейцам вторичными по отношению к колонизаторам. Франция, имевшая большие колонии в Африке, к моменту публикации сборника «Восточные мотивы» еще не обладала территориями мусульманского Алжира –

это произошло через год, в 1830 г. Более того, первая колониальная империя Франции уже была разрушена в связи с Гаитянской революцией 1804 г., отсылки к которой присутствуют в раннем произведении Гюго «Бюг-Жаргаль» (1818). Однако большой опыт колонизации нехристианских народов формировал французский взгляд на них как на заведомо чужих европейскому миру. Согласно теории Саида, коренное население колонии является собой «другого» низшего порядка, доминирование над которым кажется колонизатору естественным и правильным. При этом предполагается, что с установлением своей власти колонизатор приобщает местное население к цивилизации, что ведет к дегуманизации «другого».

В «Восточных мотивах» Гюго Восток является не только «другим», но и «чужим» по отношению к Западу. Чуждость Востока Западу обуславливается также политическими и религиозными различиями. Пространство в «Восточных мотивах» четко локализовано: прежде всего, это Османская империя и ее столица – Стамбул. Будучи поэтом-романтиком, Гюго не отрицает красот восточной природы и городов, но подчеркивает чуждость этого пространства для большинства лирических героев стихотворений сборника. Во многих стихотворениях цикла встречается описание Стамбула как красивого, но мрачного и жестокого города. Так, в стихотворении «Головы в серале» Стамбул описывается как «безмолвный» и затмевающий луну город:

Le dôme obscur des nuits, semé d'astres sans nombre,  
Se mirait dans la mer resplendissante et sombre;  
La riante Stamboul, le front d'ombres voilé.  
Semblait, couchée au bord du golfe qui l'inonde,  
Entre les feux du ciel et les reflets de l'onde,  
Dormir dans un globe étoile [Hugo: 33]!  
(Как будто гении полуночных отряды  
Воздвигли в воздухе безмолвные громады  
Гаремов и дворцов, что в сон погружены,  
Лазурных куполов, что с небом спорят цветом,  
Где полумесяцы, блестя по минаретам,  
Как бы затмили блеск луны) [Гюго 1: 368].

Слово «obscur», использованное автором, усиливает мрачность Стамбула, поскольку во французском языке оно обозначает не только мрачность и темноту, но и полную тьму. На фоне этих прекрасных, но мрачных видов Стамбула во дворце происходит жестокий праздник:

Le sérail!... Cette nuit il tressaillait de joie.  
Au son des gais tambours, sur des tapis de soie,  
Les sultanes dansaient sous son lambris sacré,  
Et, tel qu'un roi couvert de ses joyaux de fête,  
Superbe, il se montrait aux enfants du prophète,  
De six mille têtes paré! [Hugo: 34]  
(Сераль!.. Сегодня он дрожит от ликования.  
На шелковых коврах под гром и завыванье

Флейт, барабанов, труб – султанш веселый пляс:  
Дворец, как властелин, дарующий широко,  
Шесть тысяч подарил поклонникам пророка  
Голов, отрубленных зараз) [Гюго 1: 369].

Согласно авторскому примечанию, речь идет о торжестве в день смерти Канариса, греческого борца за независимость. Под пророком (*prophète*) подразумевается не какой-либо христианский пророк, а пророк Мухаммед, имеющий большое значение для мусульман, что подчеркивает различие между западными читателями и восточным миром.

В стихотворении «Пленница» («La Captive») мы находим еще более резкое противопоставление двух культур, восточной и западной; лирическая героиня стихотворения родом из другой страны, ей чужд восточный мир, в котором она пребывает:

Je ne suis point tartare  
Pour qu'un eunuque noir  
M'accorde ma guitare,  
Me tienne mon miroir.  
Bien loin de ces Sodomes,  
Au pays dont nous sommes,  
Avec les jeunes hommes  
On peut parler le soir [Hugo: 77].  
(Я родилась в нагорной,  
Далёкой стороне,  
И этот евнух чёрный  
Постыл и страшен мне.  
На воле, не в серале,  
Росли мы без печали  
И юношам внимали  
Свободно в тишине) [Гюго 1: 380].

Обратим внимание на утраченное в русском переводе слово «Sodomes» – Содомы, которое несет в себе отсылку к Библии и придает еще более негативный оттенок восточному сералю, чуждому лирической героине. Подразумевается, что она находится в серале не по своей воле, что ее похитили и привезли из другой страны. Поскольку сборник «Восточные мотивы» посвящен Греческой войне за независимость, можно предположить, что героиня является гречанкой-христианкой и, соответственно, принадлежит западному миру, поэтому Восток ей чужд. Мотив несвободы здесь приобретает и романтический характер – героиню угнетают и держат в неволе, ее забрали с родины, она стремится на волю. Угнетателем в данном случае выступает Восток как враждебный мир, в котором оказывается героиня.

Гюго был не первым, кто сформировал романтический образ восточной женщины: предтечей этого образа, пропитанного восточной экзотикой, послужила поэма Байрона «Дон Жуан», вышедшая за десять лет до «Восточных мотивов». В строфе 72 седьмой песни Байрон через уста британского офицера называет двух турчанок бедными созданиями, имея

в виду их судьбу в мусульманском мире за оказанную пленным христианам помочь в побеге. В последующей строфе формируется внешний образ-тип турчанки: лукавые глаза и боязнь межкультурного контакта, превышавшего страх самого султана перед Аллахом.

Красочный типаж молодой девушки, страдающей от жестоких порядков Востока, представлен, например, в стихотворении «Чадра» (“Le voile”). Эпиграфом к нему служит реплика Отелло из трагедии Шекспира: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» [Шекспир 3: 342]. Эти широко известные слова, произнесённые Отелло перед убийством Дездемоны, придают стихотворению трагический дух и кратко передают его сюжет: девушку, которая приподняла чадру, убивают братья, чтобы смыть позор. Стоит отметить, что решение Гюго использовать строчку из «Отелло» явно не случайно и обусловлено сюжетом пьесы, где европейку Дездемону убивает мавр Отелло. Вопрос расовой принадлежности Отелло остается открытым, поскольку маврами в елизаветинскую эпоху могли называть и африканцев, и арабов, и индийцев, однако Отелло явно представлен как «чужой», отличный от других героев. Таким образом, в произведении Шекспира «западная» невинная героиня трагически погибает от руки «восточного» мужчины.

В стихотворении Гюго множество слов, усиливающих впечатление насилия и преступления – «кровь», «кинжал», «пощады», «смерть». Просматриваются романтические черты: лирическая героиня угнетаема жестокими законами и чувствует неизбежность трагического конца, нависший над ней рок:

Vous faut-il du sang? Sur votre âme,  
Mes frères, il n'a pu me voir.  
Grâce ! tuerez-vous une femme,  
Faible et nue en votre pouvoir? [Hugo: 88]  
(Ужель меня постигнет рок?  
Вам крови надо? О, за что же?  
Клянусь, меня не видел он!  
Ужель сестру убить без дрожи  
Жестокий вам велит закон?) [Гюго 1: 385].

Сама чадра выступает символом смерти – один из братьев после убийства сестры говорит: «этой не поднять тебе чадры вовек!», и таким образом лирическая героиня остаётся пленницей жестоких законов и самой чадры. Во французских текстах Гюго для обозначения мусульманского покрывала используется слово «le voile». Это слово достаточно многозначно, оно может обозначать и европейскую женскую вуаль, и различные виды женской мусульманской одежды, закрывающей тело и лицо. Это же слово Гюго использует и в стихотворении «Купальщица Зара». Одна из главных черт Зары – стыдливость, девушка боится, что кто-то увидит её, пока она купается. Стоит обратить внимание на строфы:

Et rouge, pour une mouche  
Qui la touche,  
Comme une grenade en fleur [Hugo: 126].  
(Пролетит ли шмель над нею, –  
Вспыхнет, рдея,  
Как гранатовый цветок) [Гюго 1: 395].

Здесь мы видим мотив, противоположный мотиву, присущему классической восточной поэзии: в восточной лирике обычно говорится о том, как цветы, солнце, люди, животные смущаются от красоты героини, а не она сама – лирическая героиня классической газели не испытывает смущения или стыдливости. Приведем в качестве примера бейт из газели Саади [Антология: 353]:

Воображение людей тобой поражено,  
И говорливый мой язык немеет пред тобой.

Лирическая героиня Саади не смущается, а сама смущает; этот мотив – один из ведущих в классической восточной поэзии. Другой яркий пример из газели Саади [Антология: 357]:

Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна,  
Красотою твою будет слава солнца посрамлена.

Лирическая героиня Гюго, наоборот, боится остаться без покрываля:

Car c'est un astre qui brille  
Qu'une fille  
Qui sort d'un bain au flot clair,  
Cherche s'il ne vient personne,  
Et frissonne,  
Toute mouillée au grand air [Hugo: 126].  
(Как прекрасное виденье,  
Остановится, – но вдруг  
На мгновенье  
Затрепещет влажным телом –  
И несмело  
Озирается вокруг) [Гюго 1: 395].

Можно сделать вывод, что восточные девушки виделись европейцам-романтикам пугливыми и стыдливыми, находящимися во враждебном пространстве Востока, в то время как в классической восточной поэзии их образ был полностью противоположным.

Угнетённость, зависимость одних социальных групп от других в целом интересовала Гюго – этому посвящены его большие романы, например «Отверженные», где тема эксплуатации становится центральной. В сборнике «Восточные мотивы» женщина Востока предстаёт пленницей, угнетаемой мусульманскими традициями. Романтический образ восточной женщины раскрывается на фоне восточной экзотической природы и характеризуется несвободой несчастной девушки.

Сборник Гюго пронизан прежде всего мотивом свободы. Это обусловлено политическими взглядами автора, поскольку «Восточные мотивы» создавались во время войны Греции за независимость, за ходом

которой пристально наблюдали французы, занимая сторону Греции. Для Гюго крайне важен мотив свободы во всех его проявлениях; будучи демократом, он говорил о важности свободы как политической, так и литературной, считая их одним целым: «Литературная свобода – дочь свободы политической. Этот принцип есть принцип века, и он восторжествует». Под литературной свободой подразумевался отказ от рамок классицизма и переход к романтической поэзии, а под политической свободой в данном сборнике имеется ввиду выбор Греции стать независимым государством.

В «Восточных мотивах» Запад и Восток противопоставлены друг другу и не могут быть едины из-за отсутствия демократической формы правления в восточных странах, в данном случае – в Османской империи. Показывая инаковость и чуждость восточных обычаям французскому читателю, Гюго подчеркивает европейские ценности. Так, греки в сборнике представлены угнетаемыми османами, которые наязывают им чуждые христианскому миру правила. Поэтому для греков война с турками была не только территориальным конфликтом, а осознанным переходом из восточного мусульманского мира в западный христианский. В связи с этим экзистенциальным противостоянием Восток воспринимается не только как «другой», но и как «чужой», то есть враждебный западному миру.

### Примечания

<sup>1</sup> Здесь и далее тексты на французском языке.

### Список литературы

#### Источники

Антология классической восточной поэзии / сост. Х.Г. Короглы. Москва: Высшая школа, 1991. 799 с.

Байрон Дж.Г. Дон Жуан / пер. Т. Гнедич. Москва: Художественная литература, 1964. 624 с.

Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1. Стихотворения: пер. с фр. / под ред. В.В. Николаева, А.И. Пузикова, М.С. Трекунова. Москва: Гос. издво худож. лит-ры, 1953. 597 с.

Саади. Гулистан / пер. с фарси Р. Алиева, А. Страстина. Санкт-Петербург: Вита нова, 2019. 400 с.

Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 3 / пер. с англ. П. Вейнберга. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1903. 595 с.

Hugo V. Les Orientales. Paris, Hachette, 1959, 180 p.

### Исследования

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

Саид Э. Ориентализм / пер. К. Лопаткиной, науч. ред. А.Р. Ихсанов. Москва: Современная критическая мысль, 2021. 560 с.

Толмачев М.В. Свидетель века Виктор Гюго. Москва: Правда, 1988. 295 с.

Besson A. Victor Hugo: Vie d'un géant. Paris, France Empire, 2001, 456 p.

Laporte A. Bibliographie contemporaine: histoire littéraire du dix-neuvième siècle en volumes. Paris, F. Vieweg, 1888, v. 8, 690 p.

### References

Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 445 p. (In Russ.)

Said E. *Orientalizm* [Orientalism], trans. by K. Lopatkina, ed. by A.R. Ikhsanov. Moscow, Sovremenaya kriticheskaya mysль Publ., 2021, 560 p. (In Russ.)

Tolmachev M.V. *Svidetel' veka Viktor Hugo* [Witness of the century Victor Hugo]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 295 p. (In Russ.)

Besson A. *Victor Hugo: Vie d'un géant*. Paris, France Empire, 2001, 456 p. (In French)

Laporte A. *Bibliographie contemporaine: histoire littéraire du dix-neuvième siècle en volumes*. Paris, F. Vieweg, 1888, v. 8, 690 p. (In French)

Статья поступила в редакцию 04.07.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 04.07.2025; approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.